

Кондратьев Вячеслав
(художник)

04.04.97

Машина времени в наследство

Фантазер умер. Фантазии живут

Дмитрий АНОХИН

М

Жизнь художника побила основательно. Начиналось все, правда, по высшему разряду. В семнадцать лет Вячеслав — студент знаменитой Строгановки. Спустя пять лет сам уже преподает в этом учебном заведении. Начинающие живописцы, раскрыв рот, слушают содержательные лекции своего почти ровесника. Выезд с группой старшекурсников на «преддипломную практику» в Венецию — Мекку для любого человека, хоть раз бравшегося за кисть. «Резкое» получение профессорского звания. Начало века: свобода в чувствах, творческая свежесть в молодой талантливой голове. Чего не хватает для полного счастья? Еще одной загранички? Пожалте: в 1914-м новый итальянский выезд со студентами.

Мировая война. Опасная, многомесячная окольная дорога в Россию. На Родине быстрые — семимесячные! — прапорщичьи курсы в Александровском военном училище. Фронт. Два-три боя — и трехлетний плен в Богемии. Городок Дойч-Габель (нынешний Яблонец). Пыльный сводчатый барак. К русским офицерам относились с послаблением. Русские офицеры в бараче ставили «Ревизора». По-настоящему — со зрителями, с билетами, с костюмами. Естественно, с декорациями. Работу декоратора взял на себя Вячеслав Кондратьев. Ветераны вспоминали: спектакль пользовался успехом. Среди немцев — в том числе.

Снова долгая дорога в Россию — теперь

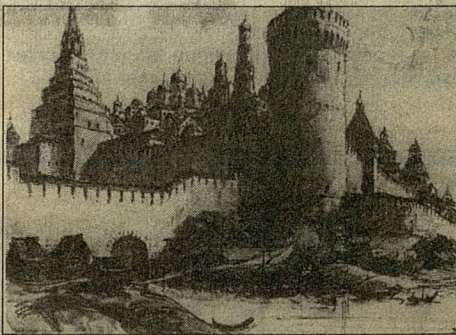

Мокринский пер. 1920-е годы.

уже советскую. И сразу же в судьбу Кондратьева вмешался Кустарный отдел Наркомзема: чиновники направили художника возрождать народный промысел «Богородская деревянная игрушка». Кондратьев возродил! А еще — «пробил» строительство гидроэлектростанции на речке Куньей. Чтобы народные кустари не при лучине трудились.

Потом «прорезался» дойч-габельский опыт. Двадцатые годы Кондратьев посвящает ремеслу декоратора в нескольких московских театрах. В 1930-м очередная напасть: арест и ссылка на речку Сухону. Как думаете, за что? Декоратору пришили участие в убийстве Войкова. Много позже оказалось: в высокий дом «настучал» завистливый, недалекий сосед.

Лесоповал. Скупая северная природа. Зе-

Вид Кремля от Неглинной (конец XVII века).

ки. А Кондратьев влюбился в деревянные церкви, в просторные двухэтажные избы, красочные интерьеры... Влюбился и запомнил.

Есть все-таки в жизни везенье: в 1934-м — очередное возвращение в Белокаменную. А там Шусев строит гостиницу «Москва». Кондратьев скромно ткнулся к маэстро: нет ли какой черной работы? Шусев ему: чтобы завтра приступил к разработке интерьера. Отказываться не мог! Вопросы есть? Вопросы не было.

Делал «Москву». Делал сеть фирменных магазинов «Главтабак». Делал два павильона на Всероссийской сельскохозяйственной выставке. А сердце жгла давняя любовь — кусочки старой Москвы. Понемножку Вячеслав начал на грубом картоне выписывать уголки милой сердцу первопрестольной —

какими запомнил их в молодые годы. Рисунки складывал на полках: в эпоху монументальной пропаганды тихую грусть уходящего города на люди выносить не разрешалось. Ждать пришлось до середины 1940-х, до 800-летнего юбилея города. Союзу московских художников позволили организовать экспозицию по столечной истории — тут-то Кондратьев и развернулся.

Пригодился опыт Сухоны. И работа «в стол». И давнее увлечение Карамзиным, Забелиным, Снегиревым, Костомаровым... Нет, художник не выписывал древний город с достоверной точностью. Холм в «Начале Москвы» получился явно поскуромнее стоявшей некогда на месте российского сердца горки. Ханское посольство на Москве-реке не против Кремля находилось, а где-то в районе Крутиц. Кремлевским же стенам Ивана Калиты полагалось быть повнушительнее, дабы скрывать за своей массивной толщей легко поджигаемые деревянные постройки... Сухари-историки на выставке Кондратьева морщились: фантазия! Вячеслав Сергеевич, чуть улыбаясь, соглашался: на каллиграфическую историософию не претендую. Хочу донести до зрителя дух старинного славянского града. Его краски. Запах. Душу.

Тихо перехожу от одного рисунка к другому. Осторожно наслаждаюсь мазками Ее Величества Древности. Пью неприхотливость древних обетных храмов. Плыву по Неглинке под чудными миниатюрными баньками. Любуюсь боярскими хоромами. Удивляюсь двухъярусной кремлевской стене по-над Москвой-рекой (вот тут Кондратьев как раз раскопал исторически достоверный факт: для противодействия вражьей атаке по внешней воде каменные стены спервоначалу нарастили вторым «этажом»).

В пятидесятые-шестидесятые старая Москва окончательно захватила художника. Нет-нет, а попадались приглашения на выставки. В 1971-м судьба наградила крупнейшим персональным вернисажем. Районное начальство решило облагодетельствовать художника новой квартирой. Взамен власть

Вячеслав Кондратьев. 1971 г.

попросила коллекцию исторических рисунков. Кондратьев посоветовался с женой — и согласился: хоть под государственным оком работы будут...

Жить ему оставалось восемь лет.

После смерти художника практически забыли. Рисунки прочно осели в запаснике. Кое-кто из сотрудников той галереи на столочном отшибе даже не догадывался о драгоценной сотне работ какого-то В. С. Кондратьева... Нынешняя выставка «Вячеслав Кондратьев. Старая Москва» в музее-заповеднике «Горки Ленинские» — первая посмертная. Выставка идет уже несколько месяцев, и посетило ее за это время... несколько сотен человек. В сумме.

Настоящим москвичам должно быть за это стыдно. И не кивайте на удаленность музея. От метро «Домодедовская» 439-й автобус довезет вас аккуратно до выставочного зала. Можно и на электричке с Павелецкого до пл. Ленинская, а там — десять минут на 21-м автобусе.

Уверяю: не пожалеете.

Автор благодарен профессору Игорю Петровичу Сухареву — первому биографу В. С. Кондратьева.

Фото из архива И. СУХАРЕВА